

Командир всегда на месте

Сенатор Валерий Гайдукевич — о службе в Афганистане, «казарменном бандитизме» и ситуации в мире

✎ Оксана НЕВМЕРЖИЦКАЯ.

Философия жизни

Строки из его биографии выглядят строго официально: командующий внутренними войсками, генерал-майор, член Совета Республики Национального собрания и комиссии Парламентского собрания Союза Беларуси и России по безопасности и обороне. Тем интереснее увидеть за ними сына и мужа, отца и дедушку. Валерия Гайдукевича неизменно можно встретить на «острове слез» в Минске накануне годовщины вывода войск из Афганистана, где он прослужил более двух лет. У мемориала мы с ним и побеседовали.

Позвало небо

— Вы родились в Бегомле. Рядом с этим городком находится Шуневка, сестра Хатыни. Не это ли предопределило ваш интерес к военному делу?

— На самом деле в Бегомле я практически не жил. Там работала мама — машинисткой в штабе запасного командного пункта. В те времена отпуск по уходу за ребенком не полагался. Поэтому она отвезла меня к бабушке по отцу, в деревню Шацк Пуховичского района. Там и прошло все мое детство. Мама тоже вскоре приехала туда, работала на комбинате бытового обслуживания населения. А вот отец нас покинул, когда мне было пять лет. Я его не помню, никогда больше с ним не встречался. Растил меня отчим, дядя Ваня. Отцом я его назвал, когда вернулся из Афганистана...

— После школы вы поступили в Рязанское десантное училище. Почему именно туда, так далеко?

— Вообще-то с детства я мечтал стать летчиком. Но у меня — видите? — нос на сторону свернут. Когда проходил медкомиссию, мне сказали, что для поступления в летное училище необходимо делать операцию. Тогда я решил стать десантником — летать если не за штурвалом, так хоть с парашютом. Совершил, к слову, 387 прыжков.

У нас в Марьиной Горке уже тогда размещалась 5-я отдельная бригада специального назначения, а офицеров для нее готовили в Рязанском высшем воздушно-десантном училище. Когда я сказал маме, что буду туда поступать, она со мной неделю не разговаривала. Но я все равно сделал по-своему. В 17 лет впервые один поехал на поезде, впервые спустился в московское метро.

Рязанское училище я окончил с отличием, хотя поступил туда, можно сказать, условно. Я ведь явился после белорусской школы: как выдал там на экзамене «лічэбнік» да «назоўнік» — у преподавателей глаза округлились. Но они дали мне шанс, и я доверие оправдал. Для дальнейшего прохождения службы выбрал 103-ю Витебскую воздушно-десантную дивизию. Домой вернулся с супругой — женился на четвертом курсе училища. Правда, она рано умерла, в 1992 году — это так Афганистан аук-

нул... Она ведь осталась одна с двумя маленькими детьми: сыну был годик, дочери — пять лет. Сильно нервничала, волновалась, потом долго болела. Не стало ее в Пскове, где я служил командиром полка.

Два года смертельного риска

— Ваша рота одной из первых вошла в Афганистан...

— Нас подняли по тревоге в ночь с 10 на 11 декабря 1979 года. Эшелонам доставили в Быхов, а оттуда на транс-

портных самолетах — в Чимкент. Только там мы узнали, куда направляемся. Вообще-то информация по Афганистану была еще летом, наши командиры даже летали туда на рекогносцировку. Но тогда такая обстановка сложилась, что мы думали, летим в Ирак воевать с Ираном.

Первый самолет, на борту которого была моя рота, входившая в группу захвата, приземлился в Кабуле 25 декабря. В штурме дворца Амина мы не участвовали, но каждая рота блокировала какое-то подразделение, чтобы не вмешались афганские войска. Моя рота из 80 человек «присматривала» за 8-й пехотной дивизией, в которой служило около 10 тысяч человек. В ее состав входил танковый батальон на Т-34. Мы должны были сделать так, чтобы ни один танк в Кабул не вошел. Конечно, плохо нам пришлось бы, вздумай они вмешаться. Но для штурма выбрали выходной день, когда в войсках оставались только дежурные силы. Да и обстановка в Афганистане тогда сложилась противоречивая, далеко не все поддерживали Амина. Правда, позже мы узнали, что нас поджидала засада, до которой мы не дошли буквально 300 метров.

Через сутки было объявлено, что революция свершилась. 30 декабря мы собрались на аэродроме, ожидая вылета домой. Строили планы, как встретим Новый год с семьями. Однако пришлось остаться.

— Но если советские войска встретили приветливо, революция свершилась, что же потом привело к боевым действиям?

— Как тогда, так и сейчас центральная власть не полностью управляет Афгани-

станом. Отдельные области, отрезанные горами, живут по собственным законам, все еще сильно развита клановость. Активизировалась оппозиция, и уже в конце февраля начались боевые действия. Благо предшествующие им полтора месяца мы занимались подготовкой: каждый день уходили в горы. Первое время было очень тяжело. Ведь нас готовили к боевым действиям в условиях лесистой, болотистой местности, горы мы только на картинке видели. Но бойцы втянулись, акклиматизировались.

Первая операция, в которой приняла участие моя рота, проходила недалеко от Кабула, в провинции Вардак, где взбунтовались местные жители. Планировали провести ее за 5–6 дней, а в итоге тяжелые бои длились две недели. Тогда понесли единственную за время моего командования ротой потерю: погиб наводчик-оператор боевой машины десанта. Да и этой гибели могло не случиться, если бы нас не отправили не туда. Мы ведь уже понимали к тому времени: кто выше, у того и преимущество. Но по настоянию вышестоящего начальства отправились к месту назначения не по горам, а через лошину. И попали под обстрел сверху...

Затем моя рота охраняла аэродромы в Баграме, Джелалабаде, выполняла задачи по ликвидации определенных групп. На операции шли обычно десантный батальон, мотострелковый полк и афганская дивизия.

ФОТО ЕГОРА ВРНЯЦКОГО.

В общей сложности прослужил в Афганистане чуть более двух лет, за исключением двух отпусков, которые провел дома с семьей. Наверное, какие-то силы меня хранили: за это время получил лишь легкую контузию.

Цена неведения

— Сейчас, с высоты своего опыта, как думаете, нужно было вводить советские войска в Афганистан или пусть бы сами разбирались?

— Сами они не разобрались бы ни тогда, ни сейчас. Там в любой момент вновь может разгореться конфликт. Нам удалось существенно отсрочить террористическую угрозу, не допустить смуту в мусульманских республиках СССР.

Другое дело, что были серьезные ошибки. Основная, на мой взгляд, — Советский Союз не принял в расчет духовенство. Более 90 процентов населения Афганистана были неграмотными. Закон в селениях представлял мулла, ему верили безоговорочно. А мы решили сразу с первобытнообщинного строя перевести их в развитый социализм или коммунизм. Но так не бывает.

Мы прилетели из Беларуси, понятия не имея, что такое мусульманство, не зная ничего об обычаях страны. Приведу такой пример. Мы стояли на охране аэродрома. Перед нашими позициями — кладбище, поодаль — кишлак. Мне докладывают: в сторону наших позиций бежит толпа мужчин в белых балахонах. С оружием или нет — непонятно. Мы приняли полную боевую готовность. Я прикинул, что откроем огонь, как только они выбегут на ближайший к нам край кладбища. Благо они не добежали. Оказалось, это у них такие похороны. А если бы мы начали стрелять?

Наше неведение использовали и в личных целях. Например, сообщили однажды, что в одном кишлаке стоит штаб Исламской революции. На указанный дом сбросили снаряды, смешали с землей его жителей. А потом выяснилось, что никаких исламистов там не было, таким жестоким образом свершили нашими руками кровную месть.

— Если заговорили о жестокости... Что вы как человек, чья жизнь была тесным образом связана с армией, сказали бы о дедовщине?

— Я называю это казарменным бандализмом. В любом коллективе могут быть моменты, когда новичков с ведром за компрессией посылают. Но такое подтрунивание не должно принимать уродливую форму издевательства. Что касается армии: если командир всегда на месте и хорошо выполняет свои служебные обязанности, подобные явления исключены.

Будучи командиром взвода, роты, батальона, полка, я всегда был вместе с личным составом. Ни о какой дедовщине и речи не шло. Приходишь в расположение — все солдаты перед глазами, любой синяк или подавленное состояние всегда видны! Нужно лишь поговорить, чтобы узнать, что происходит.

У меня были собственные методы воздействия на провинившихся. Например, отучал солдат от выпивки достаточно просто. Тогда зарплату выдавал лично командир. Если боец был замечен в пьянке, я сам покупал ему все необходимое, а на оставшиеся деньги брал джем.

Во время визита на Чернобыльскую АЭС.

Во время передачи митрополитом Филаретом внутренним войскам МВД хоругви с ликом святого Иоанна Воина.

Самара. Совместное заседание комиссии по международным делам Совета Федерации и комиссии по международным делам и национальной безопасности Совета Республики.

Хочет стоял на всю казарму! С каждым работал индивидуально, персонально — все ведь разные. Зато к моменту отправления в Афганистан я был однозначно уверен во всех бойцах своей роты — как и они во мне.

На благо своей страны

— После Афганистана вернулись домой, в Беларусь?

— Далеко не сразу. Сначала отучился в Москве, в Военной академии имени Фрунзе. Оттуда меня направили в Одесскую область Украины. К слову, там впервые услышал от ребят, причем из Восточной Украины, что Петлюра — лучший вождь. Уже тогда, в 1980-х, там проявлялись подобные настроения. Затем меня перевели в Кишинев, потом в Псков — командиром полка. Только в 1992 году я вернулся в Витебск начальником штаба дивизии, а затем был назначен командиром 5-й бригады в Марьиной Горке. Круг замкнулся. На родине я снова женился, со второй женой у меня появилась еще одна дочь. Так что у меня две дочери и сын, четыре внучки и два внука. Старшей внучке 26 лет, младшему внуку два годика.

После Марьиной Горки я служил заместителем командующего 65-м армейским корпусом в Борисове. На пенсию же ушел с должности командира 34-й базы хранения вооружения и

Александр Розенбаум пел в воинской части.

техники. Два года работал заместителем директора завода «БАТЭ» по маркетингу. С гордостью могу сказать, что был первым вице-президентом нашего известного футбольного клуба.

— А когда же вы успели стать командующим внутренними войсками?

— Так получилось, что вместе с бабушками стоять в очереди за пенсией мне довелось недолго. Наверное, руководство страны решило, что мой потенциал еще не исчерпан, и в 1999 году меня назначили заместителем командующего внутренними войсками. А через четыре года я стал командующим. В 2012 году окончательно уволился в запас. Решил, что еще могу быть полезен стране: избирался депутатом Палаты представителей Национального собрания пятого и шестого созывов.

— Многие имеют смутное представление о том, чем занимаются депутаты Палаты представителей. Особенно полезно узнать это перед единым днем голосования.

— Работают над законами. Возможно, кому-то кажется, что это просто: посидели, подумали — и вот он, закон! На самом деле подготовка любого законопроекта — это достаточно долго и очень сложно. Он обычно разрабатывается каким-то заинтересованным министерством и поступает на рассмотрение в Палату представителей. Председатель расписывает его профильной комиссией. Могу сказать, что примерно две трети законопроектов имеют отношение к национальной безопасности, а стало быть, на нашу комиссию приходилась очень большая нагрузка. Председатель комиссии определяет депутата, ответственного за конкретный законопроект. Первым делом он рассылается во все государственные органы для согласования. Его изучают, ищут недостатки или противоречия, добавляют свои идеи. После этого собирается согласительная комиссия и рассматривает все внесенные замечания. Бывает, встречаться приходится несколько раз, идут жаркие дебаты и споры. Когда все наконец приходят к единому мнению, проект отправляется в Администрацию Президента, где его рассматривает правовой центр с точки зрения соответствия действующему законодательству, конституционным правам. Если нет противоречий, закон принимается в первом чтении. Любой депутат, который не согласен с какими-то положениями, может в зале заседания поднять вопрос о голосовании по поводу внесения изменений. После первого чтения закон вновь рассматривается всеми заинтересованными министерствами и ведомствами и принимается после второго чтения. Затем подписывается Президентом.

Опыт подсказывает

— Что вы как эксперт по национальной безопасности думаете о событиях, происходящих в мире и вокруг нас? Защищены ли мы в союзе с нашим мощным соседом?

— Ни одна страна не может в одиночку жить и развиваться. Изоляция ведет к деградации. В любом случае государства объединяются исходя из экономических, политических, военных интересов. Обострение же международных отношений стало следствием проблемы, на которую в свое время посмотрели сквозь пальцы.

После распада СССР гегемонами стали США, которые правили всем миром и считали, что так будет всегда. Рано списали со счетов Россию, не приняв во внимание стремительно развивающийся Китай. Эти и другие страны намерены защищать свои интересы. Самое печальное, что уроки истории многих ничему не научили.

Мы знаем о геноциде евреев. А как расценивать то, что сегодня Израиль стирает с лица земли целые жилые кварталы сектора Газа? Получается, что акцент сместились: когда обижают нас — это плохо, а когда обижаем мы — нормально. Но ведь так не должно быть!

Говорят, жизнь изменилась. Жизнь меняется всегда, но есть люди, которые не способны заглянуть в завтрашний день. А предполагать, прогнозировать надо, иначе можно потерять себя, что мы сегодня и наблюдаем по соседству. Если не кормить свою армию, придется кормить чужую — иначе не бывает. Поэтому достаточно много программ Союзного государства связано именно с военной тематикой.